

Хазазеров Г.Г.¹

«Свой» и «чужой» консерватизм тоталитарной риторики: восприятие послевоенного западногерманского консерватизма

Аннотация. Главная цель статьи – прояснить понятие консерватизма. В статье обсуждаются проблемы так называемого сталинского консерватизма и образа немецкого консерватизма в СССР послевоенного периода. В первой части статьи подчеркивается различие между консерватизмом как положительной ценностью и консерватизмом как сохранением политического режима. В течение всего сталинского периода мы видим изоляционизм, но не консерватизм. Режим существенно менялся, но сохранял свой закрытый характер для внешней критики и какой бы то ни было информации извне. Во второй части речь идет об имидже Германии в СССР. Советская пропаганда обвиняла Западную Германию в фашизме. В статье анализируются дефиниции фашизма в советских энциклопедиях и словарях. Фашизм рассматривался там как вид капитализма. Его националистическая природа отодвигалась на второй план. В этом контексте становилось возможным не делать различий между настоящим фашизмом и консервативной идеологией Аденауэра.

Ключевые слова: консерватизм, изоляционизм, фашизм, пропаганда, дефиниция

УДК 93(47)

Abstract. The main aim of the article is to make clear concept of conservatism. The article discusses the problem of so-called Stalin's conservatism and image of German conservatism in the USSR in postwar period. In the first part of article the difference between conservatism as a positive value and conservatism as a preservation of political regime is emphasized. During the whole Stalin period, we see isolationism, but not conservatism. Regime changes significantly, but remained closed to external criticism and information from outside at all. The second part deals with the image of German conservatism in the USSR. Soviet propaganda accused West Germany in fascism. The article analyzes the definition of fascism in Soviet encyclopedias and dictionaries. Fascism in these sources interpreted as a kind of capitalism. Its Nazi nature sidelined by propaganda. In this context, it was possible to make no distinction between real fascism and Adenauer's conservative ideology.

Key words: conservatism, isolationism, fascism, propaganda, definition

¹ *Хазазеров Георгий Георгиевич* – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Южного федерального университета (e-mail: khazagerov@gmail.com)

Введение

Данная работа написана в русле наших идей экологической риторики, внимание которой сосредоточено не столько на мгновенном эффекте «здесь» и «сейчас», сколько на долговременном воздействии на пространство коммуникации². В частности, в рамках такого подхода отрицательная или положительная оценка той или иной риторики дается не только с позиции наличия или отсутствия манипулирования, но и с позиции долговременного воздействия на культуру общения. Советская пропаганда послевоенных лет рассматривается именно с этих позиций. В данном случае нас интересует ее работа с представлением о консерватизме.

Первая часть статьи посвящена вопросу о том, можно ли считать саму сталинскую риторику риторикой консерватизма, вторая — тому, как преломлялся в этой риторике современный ей немецкий консерватизм.

Сталинский «консерватизм»

Противоречие между внешним консерватизмом «сталинского классицизма» и революционным экстремизмом советской риторики не могло не обращать на себя внимания исследователей. Анализируя архитектуру периода революционного авангарда и послевоенного классицизма, В. Паперный предложил очень удобную модель двух культур в рамках советской культуры: культуры Один и культуры Два, разнеся обе эти модели во времени³. Культура Один была революционной и авангардной, а культура Два была охранительной и консервативной. Критика авангардизма и ознаменовала переход к культуре Два. Эту мысль подхватили и филологии. Наиболее последователен в этом отношении А.П. Романенко, исследовавший риторический идеал советской публицистики⁴, а затем предложивший свою концепцию советской гуманитарной культуры в целом⁵. По его мнению, революционно настроенные и исповедующие соответствующую эстетику риторики первой революционной волны сменились затем бюрократией, ставившей перед собой охранительные задачи. В работе «Советская герменевтика» А.П. Романенко описывает советскую культуру именно как бюрократическую «культуру документа». Документ (директива) спускается сверху, а затем последовательно внедряется в разных сферах жизни. Таким образом «...становилась документной вся система коммуникации: правила функционирования речи строились по образцу документооборота, правила стиля отвечали стилистике документа»⁶. При этом даже явления художественной литературы и литературной критики, которые и находились в

² Хазагеров Г.Г. Ось интенции и ось конвенции: в поисках новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях // Социологический журнал, № ½, 2006; Хазагеров Г.Г., Лобас П.П. Культурная утилизация манипулятивных технологий // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. №1, 2014.

³ Паперный В. Культура Два. М., 1996.

⁴ Романенко А.П. Образ ратора в советской культуре: учебное пособие. М., 2000.

⁵ Романенко А.П. Советская герменевтика, Саратов, 2008.

⁶ Романенко А.П. Советская герменевтика, Саратов, 2008. С.13.

центре внимания исследователя, справедливо трактовались им как исполнение директив высшего руководства страны. Это вполне соответствует тому, что Джордж Оруэлл назвал в своем радиообращении «позитивной цензурой». Е. Добренко писал об этом так: «Искусство и критика обретают новые функции – ничего не генерируя, они лишь передают: доводят до сознания то, что на языке постановлений доводилось до сведения»⁷. Тем самым культура Два трактовалась не только как охранительная, но и как бюрократическая.

Однако, на мой взгляд, отраженный в свое время в двух статьях публицистического характера⁸, картина выглядела сложнее, и противоречие между культурой Один и Два представляется мнимым, а разведение их во времени, как кажется, касалось частных вопросов и не было окончательным. Я вижу следующую картину. Работал беспрецедентный по масштабам пропагандистский аппарат, перед которым стояла вполне прагматическая цель сохранить советскую власть и вывести ее из зоны какой бы то ни было критики. Аппарат этот, однако, существовал не в вакууме, а в социуме, взаимодействие с которым приводило к различным не запланированным последствиям, что нарушает представление об идеально работавшей бюрократической машине. В наименьшей степени эти последствия касались скрытого сопротивления («дискурс инакомыслия», по Элеоноре Лассан⁹), а в наибольшей — амбивалентного восприятия идеологии, которое к концу советской власти превратилось в гигантскую всенародную травестию марксизма. Следы этой амбивалентности (побочного продукта работы пропагандистского аппарата) без труда обнаруживаются в стилистике девяностых годов, когда в СМИ возник особый стиль, именуемый на сленге «стёбом». Стиль этот, к удивлению исследователей, видевших в нем лишь мгновенную реакцию на советскую власть, продолжает существовать и сегодня, доказывая, что беспрецедентная атака на массовое сознание имеет массовые же последствия гуманитарного характера.

«Культура документа» была лишь инициативой власти, и последствия ее функционирования, вылившиеся в тотальную насмешку над почти всякими установлениями, мало соответствуют представлениям о консерватизме. Таков был результат, но и запланированная цель, которую можно трактовать не столько как идеологическую, сколько как прагматическую или технологическую, имела мало отношения к консерватизму.

Иллюзия консерватизма возникает благодаря двум вещам: энергичному консервированию системы и возрождению архаичных форм бытования словесности. Остановимся на этих двух явлениях несколько подробнее, чтобы показать, насколько они далеки от идеологии консерватизма.

⁷ Добренко Е. Запущенный сад величин«Запущенный сад величин»(Менталитет и категории соцреалистической критики: поздний сталинизм)//Вопросы литературы, 1991, вып.1. С.31.

⁸ Хазагеров Г.Г. Скифский словарь // «Знамя», 1999, №12; Хазагеров Г.Г., Хазагерова С.В. Культура-1, культура-2 и гуманитарная культура// «Знамя», 2005, №3.

⁹ Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР. Вильнюс. 1995.

Первое явление можно назвать канонизацией. При это будет нелишним вспомнить, что на протяжении советской власти неоднократно сменялся сам объект канонизации, объект консервирования, что ясно свидетельствует не об идеологическом, а о технологическом характере этой канонизации. Для того чтобы построить общество, выведенное из зоны критики, надо отсечь всякий гетерогенный взгляд на него, будь то взгляд из дореволюционной России или из современного западного мира. Решалась эта задача селекцией и канонизацией, что особенно хорошо видно в области научной политики. Например, в борьбе с генетикой был канонизирован русский садовод И.В. Мичурин, дело которого якобы продолжал Т.Д. Лысенко. В физиологии был канонизирован И.П. Павлов, в химии – А.М. Бутлеров, с помощью наследия которого боролись с «паулингистами» (аналогом «вейсманистов» в области химии). Все это создавало впечатление строительства замкнутого национального государства, тем более что при этом постоянно подчеркивался приоритет русской науки. В действительности это был просто способ изоляции от мира, причем к нему активно прибегли именно после войны, когда солдаты и офицеры увидели Европу. Именно в это время разворачивается и антисемитская кампания Сталина, который в отличие от Гитлера был, видимо, глубоко равнодушен к евреям, как и к русским. Однако евреи были опасны именно своими возможностями международных связей.

Для науки, забаррикадированной от внешнего мира, была важна именно изоляция, для литературы, где главная опасность была в дореволюционной культуре, важнее всего была селекция, а роль евреев отводилась старой интеллигенции — носителям культурной памяти. Авторы отбирались тщательно, их биографии канонизировались по определенной схеме, похожей на житийный канон. Так, например, неизменно подчеркивался «народный» характер канонизированного автора, который если и оказывался дворянином, то непременно бедным. О работе по «причесыванию» биографий можно судить по рекомендательной библиографии¹⁰. Писателей старались оторвать от реально создавшей их культурной почвы. Часть из них просто не попала в школьный канон, как Достоевский, часть попала с купюрами, как А.К. Толстой и даже Пушкин, у которого из «школьного» стихотворения про Кавказ была изъята строфа.

Канонизация проводилась, как уже отмечалось, с редкой энергией и последовательностью, но это не означало отсутствия смены канонов. Книга Дэвида Кинга «Пропавшие комиссары» демонстрирует историю плакатных фотографий, с которых исчезали нежелательные люди. Стихотворные строки также переделывались. Так, о крымских татарах в стихотворении для детей говорилось: «Это было на морском берегу, там, где берег изгибается в дугу, там, где дети по-татарски говорят, где на завтрак носят сладкий виноград». После высылки крымских татар это звучало так: «Это было на морском берегу, там, где

¹⁰ Хазагеров Г.Г., Ульянова Т.В. Советский текст как объект кросс-культурной коммуникации (на материале рекомендательной библиографии) //Восток — Запад: проблемы межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. — Петропавловск-Камч.: КамГУ им. В. Беринга, 2012.

берег изгибается в дугу, там, где дети по-грузински говорят, где на завтрак носят сладкий виноград» (автор, Самуил Маршак, вынужден был сменить побережья). На краткий период после подписания пакта Молотова – Риббентропа из всех библиотек исчезла антифашистская литература. Все это мало походило на консерватизм и не имело никакой социальной почвы. Это была очень активная и мобильная канонизация, имевшая целью скрыть за фасадом классицизма реальную жизнь.

Разумеется, классицизм имел свою эстетику, достаточно вторичную (можно вспомнить о возрождении жанра оды и басни в литературе сороковых — пятидесятих годов). Но эта эстетика носила служебный характер, а революционный авангард оставался и в период классицизма вторым инструментом пропаганды. Даже в программной статье, открывающей кампанию против «врачей-вредителей», помимо ожидаемой цитаты из Гоголя, есть и цитата из Маяковского, который, по словам Сталина, «был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». Здесь в связи с упоминанием о возрождении поэтических жанров, популярных в эпоху классицизма, будет уместно перейти к рассмотрению второго фактора, создающего иллюзию консерватизма, — возрождения архаичных форм словесности.

Речь в данном случае идет не о жанрах восемнадцатого века, а о действительно архаичных формах бытования словесности, поддерживающих ауру консервативности за счет ассоциации со средними веками. Сравни замечание такого крупного медиевиста, как С.С. Аверинцев: «Исключительно энергическую реставрацию архаических моделей – «самодревнейшего, давно изъятых из обихода», как говорил черт Адриану Леверкюну, – в этом пункте[речь идет об авторстве и авторитетах], как и во многих других, осуществлял зрелый тоталитаризм. Ему удалось, в частности, психологически восстановить столь странную для нас парадигму авторитета, служащего для текста и героем, и предполагаемым демиургом (краткий курс и биография Сталина)»¹¹.

Любопытнейшим примером архаизации являются энциклопедические словари, особенно послевоенного периода. Они были настолько перегружены откровенной дидактикой, что напоминали средневековые азбуковники и трактаты в духе «Физиолога» — сборника рассказов о животных, настоящим содержанием которого являлись нравственные истины. Вместо полезной информации словарные статьи, посвященные, скажем, естественнонаучным темам, часто представляли собой своеобразные притчи о преимуществах советского строя над строем капиталистическим. Тема статьи, скажем, гидроэлектростанция, служила лишь поводом поговорить о достижениях советского хозяйства. В работе, описывающей данное явление, мы с соавтором постарались показать, как в теме словарной статьи выделяются аспекты, каждый из которых дает повод к ведению агитационного материала, подобно тому, как в настоящем «Физиологе» такими поводами выступали так называемые «естества»

¹¹ Аверинцев С.С. Авторство и авторитет// Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1986. С.99.

животного¹². Все это создавало впечатление древней или инфантильной культуры. Однако никаких консервативных истин эти консервативные (точнее анахроничные) формы не выражали.

«Чужой» консерватизм

Ключевыми словами, описывающими западногерманский консерватизм, были «реваншизм» и «фашизм». Как, однако, определялись эти слова в толковых словарях и как трансформировались их словарные определения позднее?

Начнем со слова «фашизм», каким чаще всего именовалось все, что было связано с нацистами, притом, что само слово «нацизм» всегда оставалось на периферии пропаганды. Фашизм, в массовом сознании связанный исключительно с войной, в толковых словарях, напротив, толковался чрезвычайно широко. Так, в малом энциклопедическом словаре читаем следующее определение фашизма:

«Открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала; слово Ф. употребляется также для наименования наиболее реакционного течения в капиталистических странах, возникшего в период общего кризиса капитализма и выражающего интересы самых реакционных и агрессивных кругов империалистической буржуазии»¹³.

Фашизм, таким образом, толковался как разновидность капитализма, а именно его «высшей и последней стадии» (по Ленину) — империализма. Поскольку он есть порождение «реакционной буржуазии» и, в конечном счете, связан с частной собственностью, открывалась широкая возможность трактовать самые разные послевоенные режимы как фашистские. В этот список попадали и США, и титовская Югославия. В те же годы, то есть в начале пятидесятых, мы встречаем аналогичное определение в одностомном толковом словаре Ожегова:

«Форма открытой террористической диктатуры империалистической буржуазии, направленной на подавление революционного движения пролетариата широких трудящихся масс, на искоренение демократии, на военный захват других стран, на истребление народов этих стран и установление режима жестокой реакции методами беспощадного террора, расового преследования и ничем не стесняемой агрессии»¹⁴.

Посмотрим, однако, на определение нормативного толкового словаря в четырех томах, вышедшего в 1988 году:

«Политическое течение, возникшее в капиталистических странах в период общего кризиса капитализма и выражающее интересы наиболее реакционных и агрессивных кругов

¹² Хазагеров Г.Г., Щемелева Е.Ю. Парадоксы тоталитарной риторики: язык //Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7, 2013.

¹³ Энциклопедический словарь. М., 1955. Т.4. С. 498.

¹⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка, М., 1953. С. 786.

империалистической буржуазии, а также открыто террористическая диктатура наиболее реакционных сил монополистического капитала, для которых характерны воинствующий антикоммунизм, шовинизм, расизм, подавление всех демократических свобод, подготовка и развязывание захватнических войн»¹⁵.

Наконец, в «Большом словаре иностранных слов», вышедшем в 2001 году, читаем: «ФАШИЗМ. Политическое течение, возникшее в период общего кризиса капитализма и выражающее интересы наиболее реакционных кругов буржуазии. Впервые фашизм вышел на политическую арену в 1919 г. в Италии, где фашисты пришли к власти в 1922 г. Фашистская диктатура была установлена в Польше (1926) и в ряде других стран. В 1920 году в Германии была организована гитлеровская партия, которая в 1933 году захватила власть в стране и установила режим фашистской диктатуры. Задачей фашизма была подготовка мировой войны за новый передел мира. Фашистская Германия, заключив союз с Италией и Японией, развязала 2-ю мировую войну 1939-1945 гг. После войны в ряде стран отмечалась активность неофашистских элементов»¹⁶.

Таким образом, основная линия этих определений в течение многих лет оставалась сохранной: фашизм есть, так сказать, предельный капитализм, и у пропагандистов остается полная свобода рук трактовать те или иные проявления стран с капиталистическим укладом как фашистские.

Что касается «реваншизма» и «реваншистов», характеристик, который настойчиво применялся к Западной Германии и политике Конрада Аденауэра, то в процитированном выше энциклопедическом словаре он определялся так:

«Стремление какого-либо капиталистического государства, потерпевшего военное поражение, добиться под видом борьбы за возвращение утерянных территорий передела мира в свою пользу»¹⁷. Родовым термином, как видим, оставался все тот же капитализм. Однако в толковом словаре восьмидесятых определение утрачивает свои манипулятивные черты:

«Стремление взять реванш после военного поражения; политика, направленная на подготовку новой войны в целях реванша»¹⁸.

Надо сказать, что и сам эпитет «реваншизм» выходит из активного употребления в пропагандистских формулах.

Собственно нацизм с самого начала был отодвинут пропагандой на второй план, чтобы усилить «классовый» аспект. При этом, однако, национализм традиционно критиковался большевиками даже в период разыгрывания национальной карты, которая нужна была для усиления изоляции и непроницаемости — нечто вроде запасного железного занавеса, льстящего национальным чувствам.

¹⁵ Словарь русского языка. М., 1986-1988. Главный редактор второго издания – А.П. Евгеньева. Т. 4. С.556.

¹⁶ Большой словарь иностранных слов. М., 2001. С. 669.

¹⁷ Энциклопедический словарь. М., 1955. Т. 3. С. 80.

¹⁸ Там же. С. 691.

Итак, национализм — «реакционная буржуазная идеология и политика». В дополнении к этой дефиниции в энциклопедическом словаре приводилась и доходчивая метафора: «Буржуазный национализм – отравленное оружие империалистической реакции»¹⁹.

Со временем выделялось уже два значения:

«1. Реакционная буржуазная и мелкобуржуазная идеология и политика, основывающаяся на идеях превосходства и исключительности какой-либо нации и оправдывающая господство одних наций над другими». 2. Национальное движение в порабощенных странах за национальную независимость против империализма, колониализма»²⁰.

Но были еще и национал-социалисты, и их также следовало описать в той же традиции. «Национал-социалисты (нацисты) — «немецкие фашисты, гитлеровцы, партия хищнических и разбойничьих империалистов». И далее: «... в Западной Германии с помощью американских империалистов монополисты возрождают фашизм. Хотят превратить Германию в очаг фашизма и реваншизма»²¹.

Как при такой трактовке фашизма и нацизма пропаганда относилась к консерватизму и консерваторам? Если продолжать анализировать словарные определения, мы увидим, что это явление вносило лишь ненужную нюансировку в ясную картину мира: враждебный «пролетарскому государству» капитализм имеет своим крайним и в известном смысле слова последовательным проявлением фашизм, что и показал факт нападения фашистской Германии на Советский Союз; после войны эта картина принципиально измениться не могла: поэтому фашизм вынашивает реваншистские планы, в чем ему помогает близкий ему по духу и целям американский империализм. От консерватизма следовало отмахнуться как от помехи. Неудивительно, что его определения достаточно сухи.

Консерваторы — 1) партия в Великобритании 2) «В широком смысле слова – реакционеры, сторонники эксплуататорского строя, противники нового, прогрессивного»²². Консерватизм — «приверженность всему старому, отжившему, консервативные убеждения»²³. Консервативный — «враждебный всяким нововведениям, отстаивающий неизменность чего-либо (политического строя, быта и т. д.).

Таким образом, консерватизм также связан с реакцией, и неудивительно, что люди фашистско-реваншистского толка иногда называют себя консерваторами.

В энциклопедической статье о Западной Германии говорится следующее: «Империалисты США, Англии и Франции, грубо нарушив решения Берлинской конференции, расчленили Германию и взяли

¹⁹ Там же. Т.2. С. 471

²⁰ Словарь русского языка. М., 1986-1988. Главный редактор второго издания – А.П. Евгеньева. Т.3. С. 413.

²¹ Энциклопедический словарь. М., 1955. Т. 2. С. 471.

²² Там же. С. 140.

²³ Ожегов С.И. Словарь русского языка, М., 1953. С.91.

курс на превращение Западной Германии в заповедник фашизма и реваншизма»²⁴. Иными словами, повторяются те же мотивы. Непосредственно о Конраде Аденауэре сказано, что он «глава так называемого боннского правительства – канцлер сепаратного западно-германского государства, созданного в сентябре 1949 года империалистами США, Англии и Франции в целях расчленения Германии и превращения Западной Германии в свой военный плацдарм. Лидер Христианско-демократического союза, наиболее значительной реакционной буржуазной партии Западной Германии, выражающей интересы крупного монополистического капитала и помещиков. Ярый реваншист и противник создания единой демократической Германии»²⁵.

Разумеется, никаких попыток прояснить, в каких отношениях находится консерватизм с экстремизмом и террором не было. Сам террор определялся в энциклопедическом словаре как «политика устрашения политических противников вплоть до их физического истребления. Особенной жестокостью отличается терроризм в империалистических странах с фашистским и полуфашистским режимом, в частности, в США, где правительство проводит полицейские мероприятия против коммунистов и других прогрессивных деятелей»²⁶.

Можно констатировать, что в ментальном поле консерватизм как идеология находился для большинства населения в слепом пятне. Политика Западной Германии последовательно критиковалась, Аденауэр, чья фамилия удачно рифмовалась с фамилией Эйзенхауэр, не сходил с политических карикатур. Однако, имея перед собой только эти материалы, было решительно невозможно понять, что происходило на самом деле. Пропагандистская картинка была сознательно лишена всякой нюансировки, содержала малоправдоподобную, но энергично тиражированную истину: правительство Западной Германии вместе с американцами пытается взять военный реванш. Цель же у всех капиталистов, хотя они и склонны воевать между собой за передел мира, одна — нанесение вреда «пролетарскому государству».

Заключение

Длительное существование массивной пропаганды с очень скромной политической палитрой привело к ряду культурных следствий, не исчезнувших с исчезновением самого источника пропаганды, так как следствия эти носили не позитивный (нечто присутствовало), а чисто негативный характер (нечто отсутствовало). Самым грандиозным ее последствием явился насмешливый, эклектичный и аутичный взгляд на мир, который проявляется в «стёбовом» стиле СМИ и Интернет постов.

²⁴ Энциклопедический словарь. М., 1955. Т.1. С. 415.

²⁵ Там же. Т.1. С. 29.

²⁶ Там же. С. 394.

В интересующем нас вопросе это вылилось в слабый интерес к консервативной мысли и в возможности ассоциировать консерватизм не с идеологией, а с консервацией политического режима, что, по-видимому, и продолжает жить в массовом сознании. Это, в частности, позволяет объединить в один ряд романтический консерватизм славянофилов, имперский консерватизм, не любивший их царской власти, чисто технологический консерватизм Сталина и консерватизм противников реформ Гайдара. Консерватизму партии Аденауэра в этой картине места нет. Разумеется, речь идет о самой массовой реакции, а не о работе людей, специально интересующихся этой темой. Однако не следует игнорировать и то обстоятельство, что сталинскую Россию многие из нас по умолчанию склонны рассматривать как государство с консервативной идеологией.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Большой словарь иностранных слов. М., 2001.
2. Добренко Е. «Запущенный сад величин» (Менталитет и категории соцреалистической критики: поздний сталинизм) // Вопросы литературы, 1991, вып.1.
3. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР. Вильнюс. 1995.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка, М., 1953.
5. Паперный В. Культура Два. М., 1996.
6. Романенко А.П. Образ ратора в советской культуре: учебное пособие. М., 2000.
7. Романенко А.П. Советская герменевтика, Саратов, 2008.
8. С.С. Аверинцев Авторство и авторитет // С.С. Аверинцев Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1986. С. 76-100.
9. Словарь русского языка. М., 1986-1988. Главный редактор второго издания – А.П. Евгеньева. Т.1-4.
10. Хазагеров Г.Г. Ось интенции и ось конвенции: в поисках новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях // Социологический журнал, № 1/2, 2006.
11. Хазагеров Г.Г. Скифский словарь // «Знамя», 1999, №12.
12. Хазагеров Г.Г., Лобас П.П. Культурная утилизация манипулятивных технологий // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. №1, 2014.
13. Хазагеров Г.Г., Ульянова Т.В. Советский текст как объект кросс-культурной коммуникации (на материале рекомендательной библиографии) // Восток — Запад: проблемы межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. — Петропавловск-Камч.: КамГУ им. В. Беринга, 2012.
14. Хазагеров Г.Г., Хазагерова С.В. Культура-1, культура-2 и гуманитарная культура // «Знамя», 2005, №3.
15. Хазагеров Г.Г., Щемелева Е.Ю. Парадоксы тоталитарной риторики: язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7, 2013.
16. Энциклопедический словарь. М., 1955. Т.1-3.

BIBLIOGRAPHY

1. Bol'shoi slovar' inostrannih slov. M., 2001.
2. Dobrenko E. «Zapushchennii sad velichin» (Mentalitet i kategorii sochrealisticheskoi kritiki: pozdnii stalinizm) // VOprosi literatyri, 1991, vip.1.
3. Lissan E. Diskyrs vlasti i inakomisliya v SSSR. Vil'nus. 1995.
4. Ozhegov S.I. Slovar' rysskogo yazika, M., 1953.

5. Папeрний В. Кыл'тыра два. М., 1996.
6. Романенко А.П. Образ ритора в советской кыл'туре: учебное пособие. М., 2000.
7. Романенко А.П. Советская герменевтика, Саратов, 2008.
8. S.S. Averincev. Avtorstvo i avtoritet // S.S. Averincev. Ritorika i istoki evropeiskoi literatyrnoi tradicii. М., 1986. S. 76-100.
9. Slovar' rysskogo yazika. М., 1986-1988. Glavnii redactor vtorogo izdaniya – А.П.Евген'ева. Т.1-4.
10. Hazagerov G.G. Os' intencii i os' konvencii: v poiskah novoi funktsional'nosti v lingvokyl'tyrologicheskikh issledovaniyakh // Sociologicheskii zhurnal, № ½, 2006.
11. Hazagerov G.G. Skifskii slovar' // «Znamya», 1999, №12.
12. Hazagerov G.G., Lobas P.P. Kыл'tyrnaya ytilizatsiya manipulyativnih tehnologii // Izvestiya Uzhnogo Federal'nogo yuniversiteta. Filologicheskii nayki. №1, 2014.
13. Hazagerov G.G., Yl'yanova T.V. Sovetskii tekst kak ob'ekt kross-kыл'tyrnoi kommunikatsii (na materiale rekomendatel'noi bibliografii) // Vostok - Zapad: problemi mezhkыл'tyrnoi kommunikatsii: sb. naych.st . — Petropavlovsk-Kamch.: KamGY im. V. Beringa, 2012.
14. Hazagerov G.G., Hazegerova S.V. Kыл'tura-1, kыл'tura-2 i gymanitarnaya kыл'tyra // «Znamya», 2005, №3.
15. Hazagerov G.G., Shemeleva E.U. Paradoksi totalitarnoi ritoriki: yazik // Filologicheskii nayki. Voprosi teorii i praktiki. № 7, 2013.
16. Enciklopedicheskii slovar'. М., 1955. Т.1-3.